

УДК:159.98

Минуллина Аида Фаридовна, кандидат психологических наук, доцент

Муртазина Эльмира Ильдусовна, кандидат педагогических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г.Казань)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СУИЦИДАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики взаимосвязи между детско-родительскими отношениями и суицидальной активностью подростков. В статье выявлено, что подростки с высоким суицидальным риском чаще, чем подростки с низким суицидальным риском актуализируют в своем поведении все виды суицидальных намерений. Риск суицидального поведения у подростков обуславливается негармоничными отношениями с матерью в большей мере, чем с отцом. Материалы статьи представляют практическую ценность для психолого-педагогического сопровождения в образовательном процессе учащихся, а также в консультативной работе по вопросам детско-родительских отношений.

Ключевые слова: подростки, суицид, суицидальная активность, копинг-стратегии, семейные отношения, родительно-детские отношения.

Annotation. The article investigates the specifics of the relationship between the parent-child relationship and adolescent suicidal activity. The article revealed that adolescents with a high risk of suicide more frequently than teenagers with a low risk of suicidal behavior in his actualizes all kinds of suicidal intent. The risk of suicidal behavior caused inharmonious relationships in adolescents with their mother more than his father. Article Submissions are of practical value for psychological and pedagogical support in the educational process of students, as well as advisory work on the parent-child relationship.

Keywords: teenagers, suicide, suicidal activity, coping strategies, family relationships, parent-child relationships.

Введение. Актуальность темы исследования становится очевидной при обзоре большого количества исследований, посвященных выявлению влияния отношения родителей на суицидальные наклонности, влияния родительского отношения на копинг-стратегии ребенка, взаимосвязи суицидальных наклонностей и копинг-стратегий. Однако, научных работ, посвященных рассмотрению вопроса сразу в нескольких аспектах недостаточно. Данная

работа призвана восполнить этот пробел. В контексте данной проблематики наиболее уязвимой категорией населения являются, конечно, подростки, что подтверждают и статистические данные о наибольшем количестве самоубийств именно среди подростков [1]. Так, М.А. Алимова приводит статистические данные ВОЗ о том, что около 20% всех самоубийств в мире приходится на подростковый и юношеский возраст. Это статистика удавшихся действий, то есть окончившихся неудачей суицидальных попыток еще больше. И их число буде только возрастать. «В соответствии с прогнозом ВОЗ в 2020 году приблизительно 1,5 миллиона людей во всем мире погибнут по причине самоубийства и в 10-20 раз большее число их совершит суицидальные попытки» [2]. Опасная статистика особенно высока в нашей стране: частота суицидов составляет 19-20 на 100 тысяч подростков, тогда как в среднем по миру 7 случаев на 100 тысяч подростков. Поэтому исследование проблем, факторов суицидального поведения подростков является крайне актуальным в данное время и несет большую социальную и практическую значимость.

Многими авторами отмечается значительное возрастание суицидального риска, суицидальной готовности в период перехода подросткового возраста в юношеский. Например, суицидальное поведение в 13 лет довольно редко, а в 14-15 лет очень резко возрастает и в юношеском возрасте в 16-19 лет достигает своего максимума [3]. Ряд отечественных исследователей отмечают принципиальное отличие суицида подростка от суицида взрослого человека [4].

Суицид рассматривается как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого ею микросоциального конфликта [5]. Наряду с этим выделены самоубийства (истинные суициды) и попытки самоубийства (незавершенные суициды), также вводится понятие «парасуицид» как акт намеренного самоповреждения, не приводящий к смерти» [6,7,8]. В ряде работ выявлена взаимосвязь семейного отношения и склонности подростков к самоубийству. Так, в семьях, где превалируют стили семейного воспитания – отвержения, авторитарная гиперсоциализация, инфантилизация и симбиоз значительно возрастает риск суицидального

поведения подростков [9]. Однако, научных работ, посвященных рассмотрению вопроса сразу в нескольких аспектах, а именно взаимосвязи детско-родительских отношений и риска суицидального поведения подростков недостаточно. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Формулировка цели статьи. Цель – исследовать специфику взаимосвязи между детско-родительскими отношениями и суицидальной активностью подростков. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что обуславливающим фактором суицидальной активности подростков являются их неконструктивные копинг-стратегии поведения, сформированные в условиях неблагоприятных детско-родительских отношений.

Изложение основного материала статьи. В процессе исследования были использованы следующие методы и методики: методы теоретического анализа научной психологической литературы, а также метод эмпирического исследования – тестирование, с использованием следующих методик: 1) Опросник суицидального риска (модификация Т.Н. Разуваевой) [10]. 2. Копинг тест Р. Лазаруса и С. Фолкман [11]. 3. Опросник ADOR («Подростки о родителях») [12]. Статистическая обработка проводилась методом корреляционного анализа по Пирсону и t-критерия Стьюдента.

Исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы № 119 в г. Казани в период с февраля по май 2016 г. В исследовании приняли участие 52 подростка 12-14 лет (средний возраст 13 лет), учащиеся 7-8 классов.

Исследование проводилось в несколько этапов. 1 этап – выявление показателей суицидального риска у подростков. 2 этап - исследование копинг-стратегий у подростков. 3 этап - исследование особенностей детско-родительских отношений. 4 этап – исследование и анализ взаимосвязи детско-родительских отношений и суицидальной активности подростков.

Все подростки по результатам проведенной методики «Опросник суицидального риска» были разделены на две группы в зависимости от показателей суицидального риска. В первой группе – подростки, у которых средние, нормативные показатели суицидальных наклонностей, а во второй

группе – подростки, у которых есть максимальное значение по одному или по нескольким показателям. Таким образом, образовалось 2 группы: с высоким суицидальным риском – 22 человека, с низким суицидальным риском – 30 человек. Результаты представлены на рис. № 1.

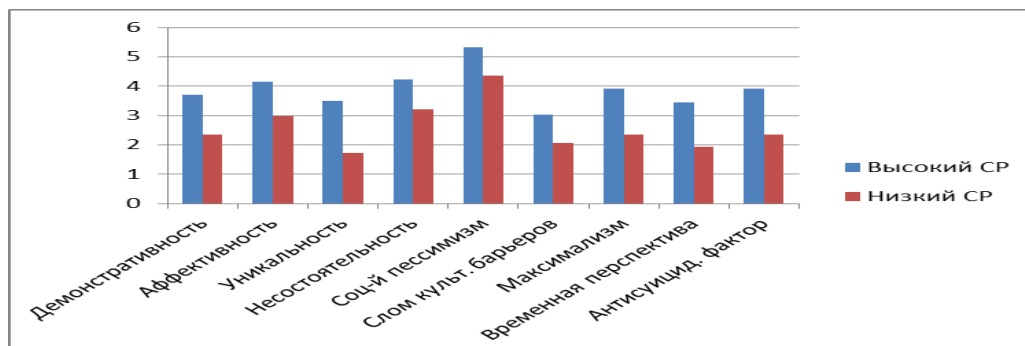

Рис. 1. Гистограмма показателей суицидального риска в двух группах

Примечание: СР - суицидальный риск.

Таким образом, группа испытуемых с высоким суицидальным риском чаще, чем группа с низким суицидальным риском актуализирует в своем поведении все виды суицидальных намерений. Так, подростки из первой группы чаще стремятся к привлечению внимания к себе, к своим проблемам и получению сочувствия и понимания, с преобладанием эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации. Юноши из первой группы чаще склонны воспринимать себя и окружающий мир негативно, представляя себя ненужными, некомпетентными, а мир враждебным. В отличие от второй группы, они чаще склонны к максимизации инфантильных ценностей и к «культу самоубийства, то есть нахождения ценностей и нормативов, оправдывающих суицид или делающих его привлекательным. У второй группы все показатели суицидальных намерений значительно ниже, а также они могут конструктивно планировать свое будущее. Исследование копинг-стратегий поведения подростков проводилось с помощью методики Копинг тест Р. Лазаруса и С. Фолкман [11]. Результаты по данной методике отображены на рис. 2.

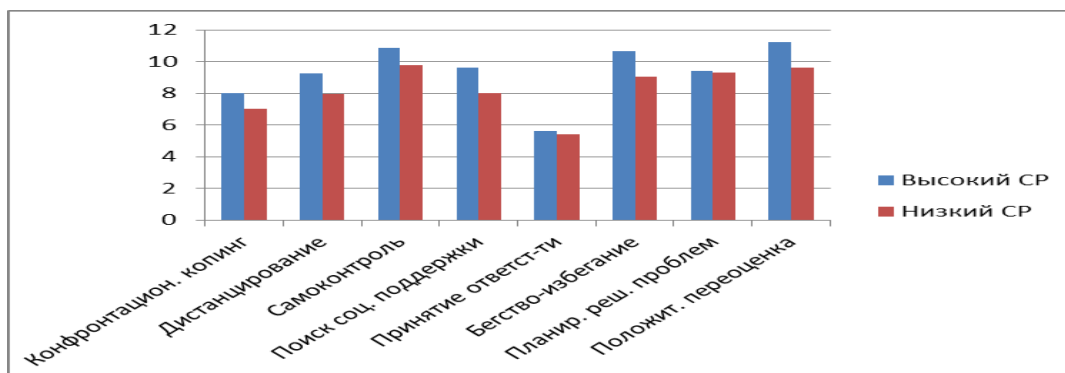

Рис. 2. Гистограмма показателей копинг-стратегий в двух группах подростков

Примечание: СР - суицидальный риск.

Таким образом, подростки с высоким суицидальным риском в большей степени используют неадаптивные копинг-стратегии. Так, для подростков из первой группы характерно стремление к решению проблемы нецеленаправленной поведенческой активностью, без осуществления конкретных действий, преодоление негативных переживаний за счет снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в проблему, через обесценивание, переключение внимания, отстранение.

Подростки с высоким суицидальным риском чаще преодолевают негативные переживания за счет самоконтроля или целенаправленного подавления и сдерживания своих эмоциональных реакций, за счет минимизации их влияния на восприятие ситуации, контроля поведения. Они чаще реагируют по принципу «бегства-избегания» или уклонения (отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т.д.). Также для них характерен поиск решения проблем за счет привлечения сторонних, общественных ресурсов, дополнительной информационной, а также эмоциональной и действенной поддержки.

При этом подростки из первой группы имеют большую способность к преодолению отрицательных переживаний через положительное, философское переосмысление проблемной ситуации, включение ее в широкий контекст личностного саморазвития. Полученные результаты находят свое

подтверждение и в других работах, посвященных проблеме совладающего поведения, прогностическим способностям в молодежной среде [13, 14].

Исследование особенностей детско-родительских отношений проводилось с помощью методики - Опросник ADOR («Подростки о родителях») [12]. Отношение родителей к подростку является важнейшим фактором формирования суицидального риска, особенно это проявляется в характере отношения матери к подростку, поскольку более высокое значение показателя «Позитивный интерес матери» наблюдается в группе подростков с низким суицидальным риском, а остальные показатели («Директивность», «Враждебность», «Автономность», «Непоследовательность»), которые в основном можно оценить как негативные, выше в группе с высоким суицидальным риском. Таким образом, подростки с низким суицидальным риском высоко оценивают «Позитивный интерес» их матерей к себе, который проявляется в ее принятии, поддержке ребенка, дружеском общении, в установленном эмоциональном контакте. Подтверждение полученных результатов содержится в более ранних наших работах [15], а также в ряде других исследований [16].

Подростки с высоким суицидальным риском дают более высокие оценки негативных типов родительского отношения, в основном со стороны матери, но также и по некоторым негативным показателям отношения отца. Отношение матери такими подростками оценивается как «Директивное» (8,5), то есть навязывающее им чувство вины по отношению к ней, ее указаниям и частым напоминаниям. Такая мать жертвует всем ради ребенка и стремится всеми возможными способами исключить несоответствующее его поведение. Отношение матерей такими подростками также оценивается как «Враждебное», «Автономное» и «Непоследовательное», то есть характеризующееся агрессивностью, большой строгостью матери в межличностных отношениях, эмоциональной холодностью, авторитарностью.

Отношение отца подростками с высоким суицидальным риском оценивается как «Директивное», проявляющееся в тенденции к лидерству,

путем завоевания авторитета, через фактические достижения и применение доминантного стиля общения, как «Враждебное», в котором жестокие отцы обычно солидарны с общественным мнением, сильно придерживаются договоренностей, удовлетворяют требования других быть хорошим отцом, пытаются вымуштровать сына в соответствии с общественным представлением об идеальном ребенке. Отношение отца подростками оценивается также как «Непоследовательное», которое подростки видят в непредсказуемости, невозможности предвидеть, реакцию отца на ситуацию или событие [17].

Исследование взаимосвязи между суицидальными наклонностями, копинг-стратегиями подростков и отношением родителей к подросткам проводилось с помощью корреляционного анализа в программе Microsoft Excel.

Для подростков с высоким суицидальным риском характерна значимость отношения матери к ним (значимых корреляционных связей суицидального риска с показателями отношения отца к ребенку не выявлено), особенно таких ее проявлений, как позитивный интерес, автономность и непоследовательность. А также суицидальный риск данной группы подростков связан с конфронтационной копинг-стратегией, которая в целом оценивается как неадаптивная. Однако, при умеренном использовании этой стратегии поведения, проявляющейся в предприимчивости в разрешении проблемных ситуаций, а также умении отстаивать свои собственные интересы, суицидальный риск снижается.

Для подростков с низким суицидальным риском характерна значимость отношения матери к ним (значимых корреляционных связей суицидального риска с показателями отношения отца к ребенку не выявлено, только присутствует связь автономности отца с копинг-стратегией «Самоконтроля»), особенно таких ее проявлений, как «Позитивный интерес» и «Враждебность», а также суицидальный риск данной группы подростков связан с копинг-стратегиями «Поиска социальной поддержки» и «Планирования решения проблем».

При сравнении двух групп видно, что суицидальный риск связан с отношением матери, оценки этого отношения подростком. С отношением отца значимых связей не выявлено. Также группа подростков с низким суицидальным риском использует в несколько раз больше копинг-стратегий, влияющий на степень суицидального риска. Так, в группе с высоким суицидальным риском значимые связи имеет скорее неадаптивная копинг-стратегия «Конфронтация». А в группе с низким суицидальным риском особо стоит отметить копинг-стратегию «Планирование решения проблем», активное применение которой уменьшает степень таких суицидальных показателей, как «Демонстративность», «Несостоятельность», «Социальный пессимизм».

То есть в случае, когда подросток стремится преодолеть проблемы через целенаправленный анализ ситуации и всех возможных способов поведения, у него снижается негативная, враждебная оценка мира, подросток скорее будет оценивать себя как состоятельным и компетентным, включенным в мир, у него не будет возникать желания шантажировать окружающих, привлекая к себе и своим проблемам внимание, ожидая сочувствия и понимания.

Выводы. В ходе проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: 1. Группа испытуемых с высоким суицидальным риском чаще, чем группа с низким суицидальным риском актуализирует в своем поведении все виды суицидальных намерений (демонстративность, аффективность, несостоятельность, социальный пессимизм, слом культурных барьеров, а также максимизирует инфантильные ценности, проблематично отстраивает временную перспективу). 2. Группа подростков с высоким суицидальным риском используют неадаптивные копинг-стратегии (конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание, самоконтроль, поиск социальной поддержки). 3. Подростки с низким суицидальным риском используют более широкий репертуар копинг-стратегий поведения.

4. Подростки с низким суицидальным риском высоко оценивают позитивный интерес их матери к себе, проявляющийся в ее принятии, поддержке и эмоциональном контакте. 5. Риск суицидального поведения у

подростков обуславливается негармоничными отношениями с матерью в большей мере, чем с отцом. Таким образом, гипотеза о том, что обуславливающим фактором суицидальной активности подростков являются их неконструктивные копинг-стратегии поведения, сформированные в условиях неблагоприятных детско-родительских отношений, подтвердилась.

Материалы статьи представляют практическую ценность для психолого-педагогического сопровождения в образовательном процессе учащихся, а также в консультативной работе по вопросам детско-родительских отношений.

Литература:

1. Васильук Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. - №4. – С. 24-29.
2. Алимova М.А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция: метод. пособие. / Барнаул, 2014. – 100 с.
3. Личко А. Е., Александров А. А. Суицидальное поведение подростков. // Клинико-психологические социальные и правовые проблемы суицидального поведения. - М., 1974. - С.71-79.
4. Сотникова Ю.Л. Защитные механизмы личностей в организации пациентов с расстройствами адаптации и суицидальными попытками. / Ю.Л. Сотникова. - Дисс.... канд. психол. наук. - М., 2005. - 177 с.
5. Ildar Ravilyevich Abitov, Inna Imamovna Sokolova, Alsou Mirzayanovna Aydarova, Marina Sergeevna Ilina. Why cannot people cope with stress? Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. 20, Special Issue. 2016. 269 – 273.
6. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков. - Обозр. психиат. и мед. психол., 1994. - С. 63-74.
7. Сотникова Ю.Л. Защитные механизмы личностей в организации пациентов с расстройствами адаптации и суицидальными попытками. / Ю.Л. Сотникова. - Дисс. канд. психол. наук. - М., 2005. - 177 с.

8. Туманова Е.Н. Помощь подростку в кризисной ситуации жизни. Саратов, 2002. – 120 с.
9. Исакова Е.К., Лазаренко Д.В., Ахметова Э.Ж. Взаимосвязь семейного отношения и склонности подростков к суицидальному поведению // Педагогические науки. Социальная педагогика. – 2001. - №6. – С. 72-76.
10. Фролова А.В., Минуллина А.Ф. Практикум по клинической психологии. Учебно-методическое пособие. Москва. Изд-во «Школьная пресса». 2012.- 158с.
11. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь – справочник по психодиагностике. – СПб, 1999 – 519 с.
12. Вассерман, Л.И., Горьковая, И.А., Ромицына, Е.Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике / Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицина. Учебное пособие. - СПб.: Речь, 2004. – 178 с.
13. Akhmetzyanova A.I. Anticipation and Prediction Interrelation Neuropsychological Mechanisms at Youthful Age. The Social Sciences, 2015. 10: 399-401.
14. Ildar R. Abitov. Model of Psychological Disadaptation at Psychosomatic and Neurotic Disorders. Review of European Studies. 2015.7(1), 130 – 136.
15. Минуллина А.Ф., Сарбаева О.Ю. Взаимосвязь факторов семейного воспитания и суицидальной активности подростков. Практическая медицина. 2015. -5 (90). С. 27-30.
16. Либин Д., Либина А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами//Стиль человека: психологический анализ. - М., 1998. – 117 с.
17. Муртазина Э.И., Минуллина А.Ф. Установки на воспитание и семейную роль у отцов в Исламе. Современные проблемы науки и образования. 2014.- №3. С.667.